

бражается не только торжество морали над «капризом», но и рисуется значимость, естественность и необходимость обратного процесса.

В большинстве произведений, повестях и романах из русской жизни, Леонтьев изображает героя, ищущего и формирующего для себя «предел». Над персонажем писателя не довлеют догмы, ни светские, ни духовные. Его сознание не ограничено тесными рамками традиций, религии или образованности. Леонтьевский герой сам творит себе максимум поведения, комбинируя принципы. Однако выработка и реализация их – разные процессы, и при осуществлении «эстетической революции» на уровне отдельно взятой личности, герой осознает себя носителем того закона, который переживался как внешний по отношению к нему. Таким выступает в художественной прозе Леонтьева закон «своего края» – господствование в гордом и своенравном сердце русской религиозно-светской парадигмы. «Неукоренность» человека лишает его санкции на существование, а соответственно вживленность в целое русского мира сообщает особое переживание собственного существования герою. Из ощущения единства, слиянности с миром рождается искомое ощущение полноты, цельности.

Если в ранней прозе герой побеждает «каприз» – в позднем творчестве изображен противоположный процесс. На смену герою, который ищет себе «предел», приходит персонаж «предела», который из него выламывается, гнет и расширяет рамки закона – обычая и морали, вырабатывая свой личный кодекс чести.

Таким образом, философ формулирует концепцию «самосоздания» личности, бытие которой трепещет на грани непреходящей смены «самоудовлетворения» – от реализации побуждений и желаний, заставляющих перерабатывать готовый материал устоявшейся жизни в новые формы, и «самоотречения» – путем подчинения верованиям и обычаям.

Леонтьевский эстетизм, таким образом, реконструируется как единство и «непримиримая вовеки» борьба противоположностей – эстетического и этического, эстетического и религиозного. Явленные как противостояние внешней и внутренней красоты, красоты и нравственности, творчества («каприз») и закона, они вырабатываются в синтетические формулы «эстетический морализм» и «изящная плоть».

Этим пониманием эстетизма как идеи синтеза Конст. Леонтьев «упредил свое время, предвосхитил настроение начала XX века» [1, с.499]: «он первый поставил этот вопрос со всей силой, резкостью и прямотой как в своей жизни, так и в учении. Пусть он и не разрешил этого вопроса, так как время к тому не пришло. Но он оставил великий завет не в решении вопроса, а в самой его постановке. Он явил великий опыт синтеза этих начал, разделение которых будет еще долго источником мучений и духовных исканий» [3, с.142].

О том, что этот завет был услышан, свидетельствует активная полемика серебряниковцев с «русским Ницше», первое открывание которого как и раз и пришлось на их эпоху. Интенсивность осмысления идей «первого и последнего русского эстета» на рубеже веков обуславливает необходимость изучения рецепции его творчества и выяснения места леонтьевского эстетизма в системе поисков деятелей культурного ренессанса. Тем более что близость с концепциями порубежья обнаруживается и в леонтьевской литературной теории, зиждущейся на двух антиномиях: диаде «музыкальность»/«барельефность» как аналог противопоставления аполлонистического и дионисийского и диаде «эстетика жизни»/«эстетика отражения» как начало формирования жизнотворческих идей.

Источники и литература

1. Бердяев Н. А. Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли). – Париж, 1926. – 569с.
2. Иваск Ю. П. Константин Леонтьев (1831 – 1891). Жизнь и творчество // Константин Леонтьев: про и contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей после 1917 года. Антология. Книга 2. – СПб., 1995. – С.197–651.
3. Коноплянец А.М. Жизнь К.Н.Леонтьева в связи с развитием его мирозерцания// Памяти К.Н.Леонтьева. Лит.сборник. – СПб., 1911. – С.1–142
4. Леонтьев К.Н. В своем краю // ПСС. Т.2. – М., 2000. – С.7–328
5. Леонтьев К.Н. Воспоминание о Ф.И. Иноземцеве и других московских докторов 50-х годов // Моя литературная судьба. – М., 2002. – С.126–135
6. Леонтьев К.Н. Второй брак // ПСС. Т.1. – М., 2000. – С.265–347
7. Леонтьев К.Н. Записки отшельника // Избранное. – М., 1993. – С.187–307
8. Леонтьев К.Н. Мои дела с Тургеневым // Моя литературная судьба. – М., 2002. – С. 135–203.
9. Леонтьев К.Н. Подлипки // ПСС. – Т. 1. – М., 2000. – С.347–599
10. Леонтьев К.Н. От осени до осени // ПСС. – Т.5. – М., 2003. – С.7–61.

Ганиева Э.С.

СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Постановка проблемы. Изучение вопросов формирования, развития и упорядочения лингвистической терминологии, являющейся автономным сектором национального языка, – одна из актуальных теоретических и практических задач крымскотатарского языкознания на современном этапе его развития. Анализ структурных особенностей терминологических единиц и исследование их частеречного статуса содействуют процессу нормализации и кодификации, определению перспектив развития изучаемой терминологической системы.

Цель данной статьи – выявление структурных и частеречных особенностей терминологических единиц крымскотатарского языкознания.

Структурные типы терминов являются объектом внимания ряда исследователей: В.П. Даниленко [3], А.С. Дяков, Т.Р. Кияк, З.Б. Куделько [4], Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин [2], В.М. Лейчик [5] и др. В трудах указанных ученых обычно выделяются три основных вида терминов: 1) термины-слова. 2) термины-словосочетания; 3) символа-слова (терминологические номинации, в состав которых входят символы).

Анализ лингвистических терминов крымскотатарского языка показал, что в исследуемой терминологии можно выделить два основных типа терминологических единиц: термины-слова и термины-словосочетания. Количественный анализ лингвистических терминов исследуемого языка свидетельствует, что термины-словосочетания составляют подавляющее большинство (около 90 % от общего количества терминов).

Термины-слова разделяются на следующие группы:

1) термины-непроизводные слова: *тамыр* 'корень', *негиз* 'основа', *эджа* 'слог', *ал* 'обстоятельство', *хабер* 'сказуемое', *джумле* 'предложение', *ариф* 'буква', *имля* 'орфография', *шиве* 'диалект', *исим* 'имя существительное', *сайы* 'имя числительное', *сыфат* 'имя прилагательное', *фишь* 'глагол', *зарф* 'наречие', *нида* 'междометие' и др;

2) термины-производные слова: *авуштырма* 'метатеза', *бенъезиме* 'ассимиляция', *бенъезимезлик* 'диссимиляция', *дудакълашма* 'лабиализация', *йьмиакълашма* 'палатализация', *манадашлыкъ* 'синонимия', *тильшынаслыкъ* 'языкознание', *багълайыджы* 'союз', *мунасебетчи* 'послелог', *айырыджы* 'определение' и др.;

3) термины-композиции. Этот тип представлен в данной терминосистеме единичными примерами: *исимфишь* 'отглагольное имя', *сыфатфишь* 'причастие', *алфишь* 'деепричастие', *къаршыманалыкъ* 'антонимия'.

Термины-словосочетания в лингвистической терминологии крымскотатарского языка по количеству входящих в их состав компонентов подразделяются на следующие группы: 1) двухкомпонентные (*созукъ фонема* 'гласная фонема', *сагъыр сес* 'глухой звук', *мантыкъый ургъу* 'логическое ударение' и др.); 2) трехкомпонентные (*сёзнинъ лексик манасы* 'лексическое значение слова', *тургъун сёз бирикмеси* 'устойчивое словосочетание', *васталы саиплик келиши* 'родительный падеж с грамматическим показателем', *фишьнинъ менфий шекли* 'отрицательная форма глагола' и др.); 3. четырехкомпонентные (*чокътан кечкен заман фишли* 'давнопрошедшее время глагола', *вакъыт табили муреккеп джумле* 'сложное предложение с придаточным времени' и др.); 4) Пяти и более компонентные (*багълайыджысыз макъсат табили муреккеп джумле* 'бессоюзное сложное предложение с придаточным цели', *муреккеп кечкен заман фишьнинъ вастасыз шекли* 'сложная форма неочевидного прошедшего времени глагола' и др.).

В результате исследования фактического материала установлено, что в лингвистической терминологии современного крымскотатарского языка преобладают двухсловные лексические единицы. Многокомпонентные термины превалируют в синтаксической и морфологической микросистемах. Они образованы последовательным присоединением к исходному термину уточняющих слов для более полного определения начального понятия и образования его видовых пар. Например, *фишь заманы* 'время глагола' – *кечкен заман фишли* 'прошедшее время глагола' – *саде кечкен заман фишли* 'простое прошедшее время глагола' – *саде кечкен заман фишьнинъ васталы шекли* 'простое прошедшее неочевидное время глагола' и др.

Термины-словосочетания, состоящие из двух компонентов, делятся на два типа: 1) субстантивные термины-словосочетания, в которых зависимый компонент выражен либо прилагательным, либо причастием; 2) субстантивные термины-словосочетания, в которых зависимый компонент выражен именем существительным (т.е. словосочетания, построенные на изафетной конструкции).

Для выявления особенностей указанных разновидностей двухсловных словосочетаний нами было отобрано несколько словосочетаний с одним и тем же словом в роли главного компонента. Рассмотрим указанные модели терминов-словосочетаний (см. табл. 1):

Таблица 1. Модели двухсловных терминов-словосочетаний в лингвистической терминологии крымскотатарского языка

<i>Субстантивные словосочетания, с зависимым компонентом прилагательным / причастием</i>	<i>Изафетные словосочетания</i>
<i>келеджек заман</i> 'будущее время'	<i>фишь+нинъ заман+ы</i> 'время глагола'
<i>муреккеп джумле</i> 'сложное предложение'	<i>икяе джумле+си</i> 'повествовательное предложение'
<i>созукъ сес</i> 'гласный звук'	<i>кенъез (бурун) сес+и</i> 'назальный звук'
<i>тахминий сайы</i> 'приблизительное числительное'	<i>сыра сайы+сы</i> 'порядковое числительное'
<i>саде замир</i> 'простое местоимение'	<i>ишарет замир+ и</i> 'указательное местоимение'

Как видно из примеров, в 1-ой группе терминов-словосочетаний между стержневым словом и зависимым компонентом реализуется атрибутивный тип синтаксических отношений. Образованы эти словосочетания на основе примыкания, т. е. зависимые слова являются неизменяемыми и примыкают к главному слову по смыслу.

Во второй группе словосочетаний использованы формы II-го или III-го изафета, для которых характерно присутствие морфологического показателя связи компонентов: наличие при стержневом слове аффикса 3-го лица *-ы / -у / -сы / -си* (II-ой изафет) и наличие при стержневом слове аффикса 3-го лица *-ы / -у / -сы / -си* и при подчиненном слове аффикса родительного падежа *-нынъ / -нинъ* (III-ий изафет). В этих словосочетаниях между компонентами реализуются и атрибутивные отношения (II-ой изафет) и отношения принадлежности (III-ий изафет).

Как показал анализ, по морфологическому типу главного слова в лингвистической терминосистеме крымскотатарского языка выделяются субстантивные словосочетания (с существительным в роли главного слова), адъективные словосочетания (с прилагательным или причастием в роли главного слова) и глагольные словосочетания. Последние два типа словосочетаний встречаются значительно реже. Например, нами выявлено только две терминоединицы с главным словом – глаголом: *фишлини тюслемек* 'спрягать глагол' и *исимни тюрлемек* 'склонять существительное'.

По мнению исследователей, важным для терминоведения является вопрос о том, к каким частям речи принадлежат термины [1, с. 11]. Данная проблема вызывает дискуссии. В научной литературе наиболее распространено мнение, что основу терминологии должны составлять имена существительные, так как «категория имени существительного с ее широкими семантическими возможностями способна исчерпать основной состав терминологических наименований» [3, с. 39]. О.С. Ахманова, например, отмечает, что «в европейских языках система существительных настолько развита, имеются настолько неограниченные возможности образовывать отглагольные существительные и отвлеченные существительные, образованные от основ прилагательных, что основной состав для терминологического списка для этих языков вполне может быть исчерпан существительными. Что касается глаголов, то для языковедческой терминологии они не типичны и легко могут быть заменены существительными» [1, с. 11–12]. Прилагательные и причастия, по ее мнению, в терминологической системе могут выполнять разнообразные функции [1, с. 11–12].

С целью выявления частеречной принадлежности лингвистических терминов в крымскотатарском языке из ряда учебников и учебных пособий [6; 7; 8; 9; 10; 11] нами было отобрано и рассмотрено около 700 терминов. Исследование показало, что имена существительные и отглагольные имена составляют основу данной терминосистемы. Все базовые термины, т. е. номинации частей речи и их грамматических категорий (*исим* 'имя существительное', *сайы* 'имя числительное', *замир* 'местоимение', *келиш* 'падеж' и др.), членов предложения (*хабер* 'сказуемое', *мунтеда* 'подлежащее' *ал* 'обстоятельство' и др.), являются именами существительными. Названия различных языковых явлений крымскотатарского языкознания передаются именами существительными или отглагольными именами (*кенъезлешме* 'назализация', *авуштырма* 'метатеза', *зайыфлашма* 'редукция', *исимлешюв* 'субстантивация' и др.). Указанные части речи активно употребляются и в качестве зависимого компонента в терминах-словосочетаниях, например, *кьошма ургю* 'дополнительное ударение' *кочъме мана* 'переносное значение', *ялма сёз* 'производное слово', *тизме багълайыджы* 'сочинительный союз', *язма нутукъ* 'письменная речь', *суаль джумлес* 'вопросительное предложение', *ялгъама дереджелиги* 'аффиксальная частица' и др.

Прилагательные и причастия используются в основном как зависимые компоненты субстантивных словосочетаний. Например, *якъын бенъезлешме* 'контактная ассимиляция', *кенъ сес* 'широкий звук', *сагъыр сес* 'глухой звук', *япыкъ эджа* 'закрытый слог', *муреккеп сёз* 'сложное слово', *сербест бирикме* 'свободное сочетание' и пр. Не исключаются также случаи субстантивации прилагательных и причастий в пределах исследуемой терминологии. В таких случаях их функция приравнивается к функции имен существительных. Например, *созукъ* 'гласный', *тутукъ* 'согласный', *сагъыр* 'глухой', *янгъырауукъ* 'звонкий', *девамлы* 'фрикативный' и др. Указанные слова являются краткими вариантами терминов, образованными способом эллипсиса (опущения в составном термине одного или нескольких элементов). Субстантивированные причастия, например, *айырыджы* 'определение', *тамамлайыджы* 'дополнение', *багълайыджы* 'союз' и др. функционируют в качестве самостоятельных терминов, а также образуют видовые термины-словосочетания, в которых выступают в роли стержневого слова: *саиплик айырыджысы* 'посессивное определение', *васталы тамамлайыджы* 'косвенное дополнение', *муреккеп багълайыджы* 'сложный союз', *табили багълайыджы* 'подчинительный союз' и пр. Наблюдаются единичные случаи, когда терминологическую единицу составляют два причастия, одно из которых субстантивировано, второе – выступает в качестве определения и является зависимым компонентом. Например, *кьошуджы багълайыджы* 'соединительный союз', *изалайыджы багълайыджы* 'изъяснительный союз' и др.

Употребление глаголов в исследуемой терминосистеме ограничено. Есть несколько глаголов, которые часто используются в лингвистическом метаязыке крымскотатарского языка. Например, *тюрлемек* 'склонять', *тюслемек* 'спрягать', *бельгилемек* 'обозначать, определять', *айырмакъ* 'обособлять, отделять', *талить этмек* 'разбирать, анализировать', *денъшитирмек* 'изменять'. Указанные слова не фиксируются в терминографических источниках как собственно термины. Первые два из перечисленных выше слова в языковедческой терминологии часто заменяются отглагольными существительными *торленюв* 'склонение' и *тюсленюв* 'спряжение'.

В единичных случаях в составе терминологических единиц употреблены количественные и порядковые числительные: *эки нокъта* 'двоеточие', *бир эджалы сёз* 'односложное слово', *эки теркипли джумле* 'двусоставное предложение', *учюнджи изафет* 'третий изафет' и пр.

Проведенное выше исследование позволяет сделать следующие **выводы**:

1. В лингвистической терминологии крымскотатарского языка выделяются два основных типа терминологических единиц: термины-слова и термины-словосочетания.
2. Термины-словосочетания составляют подавляющее большинство терминологических единиц в лингвистической терминологии крымскотатарского языка.
3. Среди терминов-словосочетаний, состоящих из двух компонентов, выделяются два основных типа: 1) субстантивные термины-словосочетания, в которых зависимый компонент выражен либо прилагательным, либо причастием; 2) субстантивные термины-словосочетания, в которых зависимый компонент выражен именем существительным (т.е. изафетные словосочетания).
4. Ядро лингвистической терминологии крымскотатарского языка составляют имена существительные, отглагольные имена, причастия и прилагательные.

Источники и литература

1. Ахманова О.С. Предисловие // Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 3-19.
2. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. – М.: Высш. шк., 1987. – 103 с.
3. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. – 243 с.
4. Дяков А. С., Кияк Т. Р., Куделько З. Б. Основы термінотворення. Семантичні та соціолінгвістичні аспекти. – К.: Видавничий дім «KM Academia», 2000. – 216 с.
5. Лейчик В.М. Термины-фразеологизмы в ряду номинативных словосочетаний терминологического характера. // Научно-техническая информация. Сер 2. Информационные процессы и системы. М.: 2002. – № 12. – С. 33-37.
6. Источники
7. Акъмоллаев Э. Къырымтатар тилининъ амелияты (синтаксис). – Ташкент: Укъитувчи, 1989. – 160 с.
8. Меметов А.М. Къырымтатар тили: Юкъары сыныф талебелери ве филология факультетлерининъ ашагы курс студентлери ичюн дерслик. – Симферополь: Къырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 1997. – 176 с.
9. Меметов А.М. Къырымтатар тили. 10-11-инджи сыныфлар ичюн дерслик. – Симферополь: Къырымдевокъувпеднешир, 2004. – 216 с.
10. Меметов А. М. Земаневий къырымтатар тили. – Симферополь: Къырымдевокъувпеднешир, 2006. – 320 с.
11. Усеинов К.А., Ганиева Э.С., Сейдаметова Н.С. Къырымтатар тили. Фонетика. Лексикология. – Симферополь: СОНАТ, 2001. – 224 с.
12. Эмирова А.М., Ганиева Э.С., Сейдаметова Н.С. Къырымтатар тили тильшынаслыкъ терминлерининъ лугъаты: Юкъары сыныф талебелери, филология болуклерининъ студентлери, къырымтатар тили оджалары ичюн къулламанма. – Симферополь: СОНАТ, 2001. – 64 с.

Куртсеитов А.

ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ КРЫМСКОТАТАРСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

До недавнего времени фразеология крымскотатарского языка рассматривалась преимущественно как объект лексикографии в связи с толкованием значений фразеологизмов и раскрытием их этимологии.

Несмотря на наличие большого количества научной литературы по фразеологии, среди крымскотатарских лингвистов нет единого мнения в определении основных свойств фразеологических словосочетаний как значимых единиц языка. В разряд фразеологии в ряде случаев включаются такие единицы, которые имеют больше различий, чем сходные с фразеологизмами признаки. Исследователи подходят к фразеологии иногда с несовместимых точек зрения, не учитывая того факта, что фразеология – явление весьма сложное как по содержанию, так и по форме, имеет ряд промежуточных элементов, четкие границы между которыми порою невозможно установить. Видимо, не обязательно, чтобы языковые единицы различались исключительно по всем свойствам. Они имеют, и будут иметь определенные общие, сходные черты, а различаться могут по одному - двум или нескольким основным признакам.

Крымскотатарские фразеологизмы до сего времени не входили в состав издававшихся двуязычных словарей, которые сейчас можно было бы использовать. К настоящему времени вышел в свет лишь один словарь “Сёз бирикмелери. ” – “Словосочетания” Усеина Куркчи, опубликованный в журнале “Йылдыз” (“Звезда”) Он включает 1080 словарных статей.

Вообще же такие словари необходимы для того, чтобы способствовать повышению культуры крымскотатарского языка и должны быть предназначены, в первую очередь, для учащихся школ, студентов, работников печати и переводчиков. Естественно, в таком словаре может быть представлена лишь часть национальной фразеологии. В целом же фразеологический словарь отражает наиболее употребительный состав фразеологии необходимый для практического овладения им.